

кончили съ своимъ прошлымъ и съ барствомъ по преимуществу. Но это неправда: барство глубоко пустило въ немъ корни. Стоитъ, напр., возвратиться въ Петербургъ, какъ эта старая жизнь барства снова забираетъ его въ руки: «Въ эту среду, говоритъ Толстой, влекли Нехлюдова его привычки, влекли и родственныя, дружескія отношенія. Не смотря на все свое *отращеніе* къ этой средѣ,—средѣ, гдѣ, по его мнѣнію, «такъ старательно сокрыты были страданія, несомня милліонами людей, для обезпеченія удобствъ и удовольствій малаго числа, что люди этой среды не видятъ и не могутъ видѣть этихъ страданій и потому и жестоки, и преступны въ своей жизни», не смотря и на то, что самъ Нехлюдовъ достаточно насмотрѣлся на человѣческія страданія и, движимый состраданіемъ, отказался отъ «обезпеченныхъ удобствъ» жизни,—не смотря на все это, такъ глубоко презираемая имъ среда, въ которой онъ воспитался, была всеже мила Нехлюдову, и только въ ней онъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ.

Описывая это душевное состояніе своего героя, Толстой высказалъ глубокую мысль. А именно то, что грѣхи человѣка, подъ разными видами страстей и привычекъ, будутъ мучить этого человѣка при всякомъ положеніи его жизни, такъ какъ окончательная побѣда надъ ними зависить отъ воли Божіей; но человѣкъ собственными усиліями, безъ помощи благодати Божіей, никогда не освободится изъ-подъ власти тяготящаго надъ нимъ зла.

Съ точки зрѣнія своей новой вѣры, Нехлюдовъ, видимо, отрицаетъ законъ зла, противоборствующій закону духа. Последнимъ, между прочимъ, и объясняется его Нехлюдовское самодовольство, самолюбованіе «хорошими» своими поступками и отсутствіемъ въ немъ христіанскаго смиренія. Теперь интересно бы узнать, въ чемъ состоитъ эта его новая вѣра, и есть ли она въ самомъ дѣлѣ у Нехлюдова? На такой важный вопросъ Толстой, по обыкновенію, даетъ неопредѣленные, туманные отвѣты. Влагая въ мысли Нехлюдова слѣдующія насчетъ вѣры соображенія, онъ говоритъ:— „Дѣло, которое дѣлается нашей жизнью, — все дѣло, весь смыслъ этого дѣла непонятенъ и не можетъ быть мнѣ понятенъ. Все это понять, понять все дѣло хозяина — не въ моей власти. Но дѣлать его волю, написанную въ моей совѣсти,—это въ моей